

ОНОМАСТИКА

УДК 811.512.157

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА В ЯКУТСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕНАХ (по материалам трудов тюрколога Н.К. Антонова)

© Егор Революевич НИКОЛАЕВ

Институт гуманитарных исследований проблем малочисленных народов Севера СО РАН
677007, Российская Федерация, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Петровского, 1

E-mail: secretar@igi.ysn.ru

главный редактор детско-юношеского журнала «Хатан» («Закаленный»)

E-mail: 1953307@mail.ru

Предложен анализ якутских личных имен с целью выявления особенностей национальной картины мира якутов на основе трудов тюрколога Николая Климовича Антонова. По принадлежности апеллятивных основ к языковым группам отобранные антропонимы были распределены на исконно якутские (тюркские) и заимствованные (тунгусо-маньчжурские, монгольские) имена. В ходе сравнительно-сопоставительного анализа определена этимологическая характеристика антропонимов, которые доказывают южное происхождение якутских личных имен и наличие заимствованных из других языков по мере освоения северных земель. Установлено, что общетюркские слова, лежащие в основе антропонимов, обозначают явления природы, времена года, местный рельеф. Установлены монгольские заимствования, к которым относятся слова, обозначающие качество, характер, имя носителя, определены тюркские лексические параллели. Антропонимы, заимствованные из тунгусо-маньчжурских языков, репрезентируют северный ландшафт. В результате лингвистического анализа выявлено, что семантика апеллятивов и якутских антропонимов остается неизменной и является частью системы личных имен тюркских народов, отражая национальную картину мира, связанную с южной прародиной и с освоением Севера. Исследование показало, что рассмотренные якутские личные имена в большинстве своем относятся к именам-дескриптивам и именам-дезиративам.

Ключевые слова: тюркские антропонимы; якутские личные имена; национальная картина мира; имена-дескриптивы; имена-дезиративы

Антропонимика, как и любая часть лексики, живо реагирует на все явления, происходящие в окружающей человека среде, в результате чего имена оказываются регистраторами явлений природы и событий, имевших место в общественной жизни [1]. Система личных имен любого народа несет на себе отпечаток национального самосознания и включается в национальную картину мира. В этом аспекте личные имена обладают яркой национально-культурной спецификой и являются важным источником лингвистических, историко-культурных знаний.

Тюркские личные имена во многом консервативны и устойчивы. «Относительная устойчивость языковой системы обеспечивает возможность сохранения и передачи знаний о мире, поскольку они способны передавать мировоззрение человека новейшего времени» [2]. Иными словами, передаваясь

из поколения в поколение, наиболее устойчивые антропонимы раскрывали картину миру не только прежних поколений, но и утверждаются в новом времени.

Современная система современных якутских личных имен одновременно имеет общие и особенные черты с другими тюркскими именами собственными, но изучению якутских личных имен пока не уделяется достаточного внимания. В научной литературе есть отдельные статьи, касающиеся семантики и структуры якутских личных имен. На основе анализа 315 мужских и женских якутских личных имен, зафиксированных органами ЗАГС, отобранных из печатных СМИ [3–6] и выбранных из личной картотеки автора, по принадлежности к языковым группам якутские личные имена (далее ЯЛИ) условно можно разделить на две группы: исконно якутские (тюркские) ЯЛИ и заимство-

ванные ЯЛИ с монгольскими, тунгусо-маньчжурскими основами.

Этимологизация антропонимов в неразрывной связи с их апеллятивами может раскрыть особенности национального видения мира. Одним из источников для такой репрезентации могут служить исследования известного якутского тюрколога Н.К. Антонова (1919–2002) [7]. На основе этих материалов рассмотрим наиболее характерные якутские личные имена из двух групп.

Первая группа. В якутском языке, по Н.К. Антонову, есть «исконные, тюркского происхождения слова – это якутские имен-ные основы, обозначающие все главнейшие понятия об окружающей нас неживой природе». К таким словам относятся: *кун (солнце), ый (луна), сулус (звезда), чолбон (венера; яркая звезда), сарыал (свет).* «*Аранас сулус (большая медведица), хотугу сулус (полярная звезда), дьукээбил уота (северное сияние, дос. юкагирские огни)* являются поздними наименованиями, возникшими на северной родине якутов» [7, с. 10–11].

Как известно, названия космических тел и природных явлений являются общетюркскими и возникли на южной родине предков якутов. В настоящее время эти слова стали частью якутского антропонимикона. Например, женские имена – *Куннэй, Ыйдаҥа*, мужские имена – *Сулустаан, Чолбон, Сарыал.* Общность исходных основ ЯЛИ, обозначающих астрономические объекты, определяет их «общий внутренний образ», подсказанный самим объектом. ...Могло оно быть и просто унаследованным от языка-основы (в языках одной генетической семьи, группы, ветви)» [8, с. 200].

Современные женские имена *Сайыына, Сайынаара, Саина, Сааскылаана, Сааскыйа*, мужское имя *Сааскылаан* связаны с пластом общетюркских слов, обозначающих названия времен года и метеорологические явления (сайын (лето), күһүн (осень), кыһын (зима), саас (весна)) [7, с. 12].

Якутские личные имена с корнем *сай-* также можно отнести к этой группе – *Сайан, Сайаан, Сайаар, Сайнар, Сайаана, Саяна.* Косвенное отношение к слову *сайын* имеет и мужское имя *Самаан*, которое тоже имеет тюркские параллели: *самаан, сабаан* (сайын) – теплый, благодатный (лето) [9, стлб. 2061]. Например, «у осман, крымских

татар, казахов, караимов и др. *сабан, сапан* означает: плуг, соха; пашня; яровой хлеб; солома. Присутствие слова *самаан* в якутском языке свидетельствует о былом занятии якутов хлебопашеством» [7, с. 12]. В современном якутском языке в основном используются заимствованные из русского языка термины, связанные с хлебопашеством.

С явлениями природы также связаны исконно тюркские ЯЛИ – *Толон (толон – град), Архаан* – западный ветер (тюрк. *арха* – спина, тыл, зад) [7, с. 13].

Как утверждает Н.К. Антонов, почти все основные якутские названия элементов рельефа местности являются исконными, тюркскими. Например, слово *айаан* и мужское имя *Айаан* означает «протока, старица реки» [7, с. 13]; бухта, протока [10, с. 26]; старое русло реки, старица, соединяющаяся с рекой только в половодье [11, с. 26]; в ССТМЯ: *эвенк. айаан:* 1. путь: ездить, переезжать, странствовать, путешествовать, перелетать (о птицах); 2. старица, протока, залив, песчаная коса [12, с. 21]. Отмечается такое же слово с идентичным значением в эвенской лексике: 1. протока, залив; 2. черепаха; морская летучая рыба (?); 3. большой, сильный (например, орел, олень, ветер, куст); 4. толстый снег [12, с. 21]. Якутский этимолог Г.В. Попов отмечает, что слово *айаан* вошло в якутский язык из тунгусо-маньчжурских языков. Это – результат влияния, а потом и распространения эвенкийского, эвенского языка на якутский язык в Верхоянском районе и Вилюйском округе Якутии [11, с. 61].

Личные имена часто отражают ландшафтно-географические познания народа, тесно связанные с этногенезом. Их фиксация и сохранение свидетельствует об историческом, географическом освоении незнакомых им ранее территорий. Так, якутские слова и антропонимы-дезиративы *Тиит, Кэнчээри* тоже, скорее всего, свидетельствуют о южном происхождении и постепенном заселении нынешней родины, продвижении якутов с юга на север. Якутское *тиит* (лиственница) параллельно тув. *дыт*, тел., алт., шор., хакас., в леб. диал. алтай. яз., в койбальском диалекте хакас. яз., кирг. *тыт* [7, с. 17].

Кэнчээри также имеет исконно тюркскую основу. В БТСЯЯ *кэнчээри* определяется так: поздние всходы, отава; молодые всходы растения, молодое растение; подрас-

тающее поколение, молодежь [13, с. 501-502]. В др. тюрк. яз. *кэнчээри*: ребенок, детеныш животных; монг. *хэнз* – вторая трава (вырастающая к осени после покоса); родившийся осенью; *генч* – молодой [13, с. 502]. По Н.К. Антонову, тюрк. – *кэнчи* – последний ребенок; монг.-бур.: *хэнзе* – *хэнчэ* – отава. Вероятно, этимологизируется от тюрк. *кэлин*, *кийин* (после, позже, зад, тыл) [7, с. 20]. Это слово часто присутствует в якутском эпосе олонхо:

«*Арҕ аһыттан тэһииннээх*
[С поводьями за спиной],
Айыы-хаан аймаҕ ын [Род айыы-хаана],
Атаҕ астыыр буолайаҕ ын
[Не смей обижать],
Кэнэҕ эһин кэнэҕ эс [В будущем].
Кэнчиэрэ ыччаккар
[Подрастающему поколению твоему],
Сэттээх-сэлээннээх [Возмездие-кара],
Сэмэлээх-сун халаах буолуоҕ а...»
[Вина-осуждение может быть] [14, с. 155].

Н.К. Антонов в своем заключении утверждает, что «*кэнчээри* имеет: 1) отвлеченное значение; 2) не имеет связи с заготовкой сена, т. е. мог возникнуть в языке любого кочевого степного народа». То есть слово *кэнчээри* могло возникнуть не здесь, а еще там, в южных степях [7, с. 20].

Этимология слова и современного мужского имени *Эркин* тоже имеет разные версии. По Э.К. Пекарскому: *эркин*: «стена, бок, сторона; защита» [9, стлб. 904]. Н.К. Антонов сравнивает с хакас., койб. диал. – *иркин*, *еркэн* – порог, косяк, рамка двери; якутское *эркин*, по-видимому, имеет общий корень нет с этими названиями, а с чагатай. *эркинэ* – деревянное кольцо на верхушке порты; *эрк* – цитадель из представления стены юрты как защитного оружия, кольца цитадели. Но *эркин* стало обозначать не только «стену», но также и круговую балку юрты, входя в состав сложного слова *сүгэрэгэнэ*» [7, с. 89].

В настоящее время есть веские дополнения к истории *эркин* в качестве личного имени. Например, есть и исторические личности, присутствующие в преданиях и легендах, и эпические имена, и имена из якутского мифологического пантеона *иччи* (духов и божеств): «*Эркин Эрэлэсэ* (в олонхо «Хаан Дьаргыстай»); *Экин Абаган* – *Абаган-Эркин* (один из главных родоначальников, потом-

ков Эр Соготох Эллэя); *Сулкун-эркин* – один из лесных духов (байанай); *Суойун эркин*, *Суонан эркин*, *Сохсо эркин* – боги, которые препятствуют охоте и промыслам (седьмой род *Баай Байаная*); *Туорчут Эркин* – дух-хозяин леса» [15, с. 67]. Этнограф и историк начала XX в. Г.В. Ксенофонов общим знаменателем для всех *эркин* выделял понятие «вождества» (управление племенем, покровительство промыслу, курирование отрезком дороги и т. п.) [15, с. 68], что, вероятно, соответствует лексикографическим материалам древнетюркского языка: *irkin* – титул [16, с. 212].

Вторая группа. Монгольские лексические заимствования считаются в якутском языке одними из самых древних [17, с. 94]. Н.К. Антонов считает возможным, что слово *дуолан* имеет свои корни в монгольском слове *дуудлаҕ а*, что означает «призыв духов (абаасы) шаманом» [17, с. 100]. В ТСЯЯ *дуолан* обозначается как «громадный, огромный; очень сильный, могучий; достигший зрелости мужчина» [18, с. 190-191]. У тофаларов: «*долу* – полный, наполненный» [19, с. 109]. Этимолог Г.В. Попов проводит параллель *дуолан* с заимствованием слова *далан* и прослеживает этот путь из монгольского слова «*долан* – большой, громадный, огромный» [11, с. 159]. В олонхо тоже можно найти использование слова *дуолан* в том же значении: «Тоҕ устаах дуолан хара атыыр оҕ ус/9-летний большой черный бык [20, с. 14]. У Н.К. Антонова есть такие этимологические изыскания: «*туолан* – *тузлан* (монг.) – пятилетний (*ту* – пять). В чагатайском языке (др. узбек. яз.) *толна* – лошадь на пятом году. *Тул*, *тол*, *туол* – становится полным, достигать зрелости, а не от монг. *ту*. *Туолан* – *туоллан* – полный, дородный – туолун (внушительный, важный) [7, с. 60; 9, стлб. 2820]. Примечательно, что также есть и другая версия этимологизации слова *дуолан*: «Созвездие Большой Медведицы (бур., монг. *Долон уругун* – «Семь старцев», позднее *Долон Бурхан* – Семь богов)» [7, с. 99]. «Из добрых западных божеств у бурят наиболее известен... *Долон Хухэ тэнгри* (семь синих) – насылающий дождь [21, с. 101]. Таким образом, антропоним *Дуолан*, вероятно, наиболее близок апеллятиву со значением «большой, громадный, огромный».

В системе современных якутских антропонимов можно выделить отдельный, еще до конца неизученный пласт онимов – псевдонимы. В рамках данной статьи можно определить значение псевдонима якутского поэта, писателя начала XX в. А.А. Иванова-Күндэ. Если в БТСЯЯ слово *күндэ* определяется как «блестящий, сияющий; небольшая часть озера, отделившаяся от основного водоема; неглубокое озеро с прозрачной и чистой водой» [13, с. 646], то у Н.К. Антонова: «*кун дэ, күндэ* – зеркало озера, часть или конец большого аласа, поля с открытым озером (среднеколымский говор) от монгольского, бурятского *гун, гундүү* – глубокий. Такое заимствование «связано с освоением северной природы, когда могли проникнуть монгольские ландшафтные названия в якутском языке, пока трудно предположить... По-видимому, это произошло еще задолго до периода орхонских тюрков (VI–VIII вв.), возможно, в те времена, когда часть тюркских племен, вытесненная с монгольских и забайкальских степей, оказалась на Севере в лесной зоне среди монголоязычных исконно северных полуоседлых племен» [7, с. 27-28; 22; 23].

Основы эвенкийского происхождения «...усвоены на современной территории заселения якутов, в Якутии, позже...», они «...связаны с освоением северной лесной природы» [7, с. 28]. Например, слово и ныне постепенно становящееся популярным якутское женское имя *Сиибиктэ* исходит от эвенк. слова *сивэктэ* (хвощ, молодая травка на заболоченных лужайках) [7, с. 27; 22, с. 86].

Таким образом, из всего изложенного можно сделать такие выводы:

- исходные слова современных якутских личных имен репрезентируют южное происхождение народа саха;
- семантика исходных слов и семантика личных имен в большинстве случаев совпадают и остаются неизменными, что доказывает устойчивость якутского языка к внешним влияниям;
- этимология современных якутских личных имен отражает исконно тюркский, монгольский и тунгусо-маньчжурский пласты якутского языка, соответственно отражают особенности восприятия картины мира якутов: о географическом положении, об ас-

трономических объектах, о флоре и фауне местности и т. д.;

- рассмотренные якутские личные имена можно разделить на имена-дескриптивы (описательные имена) и имена-дезиративы (имена-пожелания);

- наследие Н.К. Антонова может быть исходной точкой в этимологизировании отапеллятивных антропонимов.

Список литературы

1. *Раемгужина З.М.* Башкирский антропонимикон в свете языковой картины мира (аспекты формирования и особенности функционирования): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2009.
2. *Азнабаева А.Ф.* Интерпретация современной языковой картины мира через антропонимы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 2 (56). Ч. 2. С. 33-36.
3. Информационно-аналитический обзор государственной регистрации актов гражданского состояния в Республике Саха (Якутия) за 2007 год / сост. А.Г. Михайлова. Якутск, 2008. 44 с.
4. Информационно-аналитический обзор государственной регистрации актов гражданского состояния в Республике Саха (Якутия) за 2010 год / сост. А.Г. Михайлова. Якутск, 2011. 80 с.
5. Информационно-аналитический обзор государственной регистрации актов гражданского состояния в Республике Саха (Якутия) за 2012 год / сост. А.Г. Михайлова. Якутск, 2013. 72 с.
6. *Николаев Е.Р.* Современные мужские личные имена // Проблемы общей и региональной ономастики: материалы 9 Международной научной конференции. Майкоп: Редакционно-издательский отдел АГУ, 2014. 324 с.
7. *Антонов Н.К.* Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск: Якутское книжное издательство, 1971. 175 с.
8. *Бондалетов В.Д.* Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983.
9. *Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка. М.: Издательство АН СССР, 1959. Вып. 10-13. Т. 2. 2508 стлб.
10. *Сафронов Ф.Г.* Дохристианские личные имена народов Северо-Востока Сибири. Якутск, 1985. 200 с.
11. *Попов Г.В.* Этимологический словарь якутского языка. Новосибирск: Наука, 2003. 180 с. (Ч. 1: А–Дь)
12. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю / отв. ред. В.И. Цинциус; сост.:

- В.А. Горцевская, В.Д. Колесникова, О.А. Константинова, К.А. Новикова, Т.И. Петрова, В.И. Цинциус, Т.Г. Бугаева. Л.: Издательство «Наука», Ленинградское отделение, 1975. Т. 1. 672 с.; 1977. Т. 2. 992 с.
13. Большой толковый словарь якутского языка / под ред. П.А. Слепцова: в 15 т. Новосибирск: Наука, 2008. Т. 5: (Буква К: күөлэһис гын – кээчэрэ). 616 с.
 14. *Ойуунускай П.А.* Айымньылар. Төрдүс том: Дьулуруйар Ньургун Боотур (олонхо). Маннайгы, иккис, үһүс ырыалара. Якутскай, 1959. 312 с.
 15. *Никифоров В.М.* Стадии эпических коллизий в олонхо: Формы фольклорной и книжной трансформации. Новосибирск: Наука, 2002. 208 с.
 16. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1969. 677 с.
 17. *Антонов Н.К.* Саха тылын туһунан бэлиэтээһиннэр [Заметки о якутском языке] // Хотугу сулус. 1969. № 10. С. 92-103.
 18. Толковый словарь якутского языка / под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2006. 844 с. (Буквы Г, Д, Дь, И)
 19. *Рассадин В.И.* Современный тофаларский язык и его место в системе тюркских языков. Элиста: Издательство Калмыцкого университета, 2014.
 20. *Тимофеев-Теплоухов И.Г.* Куруубай хааннаах Кулун Куллустуур [Строптивый Кулун Куллустуур]. М.: Главная редакция Восточной литературы, 1985. 607 с.
 21. *Жуковская Н.Л.* Бурятская мифология и ее монгольские параллели // Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. М.: Главная редакция Восточной литературы издательства «Наука», 1980. 208 с.
 22. *Николаев Е.Р.* К вопросу об эвенкизмах в якутском антропонимиконе // Северо-восточный гуманитарный вестник. 2015. № 2 (11). С. 85-90.
 23. *Николаев Е.Р.* Современные мужские личные имена // Проблемы общей и региональной ономастики: материалы 9 Международной научной конференции. Майкоп: Редакционно-издательский отдел АГУ, 2014. 324 с.
- References**
1. Raemguzhina Z.M. *Bashkirskiy antroponimikon v svete yazykovoy kartiny mira (aspekty formirovaniya i osobennosti funktsionirovaniya)* [Bashkir antroponymycon in language world view (aspects of formation and peculiarities of functioning)]. Avtoreferat dissertatsii ... doktora filologicheskikh nauk. Ufa, 2009. (In Russian).
 2. Aznabaeva A.F. Interpretatsiya sovremennoy yazykovoy kartiny mira cherez antroponimy [Interpretation of modern language world view through antroponymy]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 2016, no. 2 (56), part 2, pp. 33-36. (In Russian).
 3. *Informatsionno-analiticheskiy obzor gosudarstvennoy registratsii aktov grazhdanskogo sostoyaniya v Respublike Sakha (Yakutiya) za 2007 god* [Informational-analytical review of state registration of act of civil state in the Republic of Sakha (Yakutiya) for 2007], compiler A.G. Mikhaylova. Yakutsk, 2008. 44 p. (In Russian).
 4. *Informatsionno-analiticheskiy obzor gosudarstvennoy registratsii aktov grazhdanskogo sostoyaniya v Respublike Sakha (Yakutiya) za 2010 god* [Informational-analytical review of state registration of act of civil state in the Republic of Sakha (Yakutiya) for 2010], compiler A.G. Mikhaylova. Yakutsk, 2011. 80 p. (In Russian).
 5. *Informatsionno-analiticheskiy obzor gosudarstvennoy registratsii aktov grazhdanskogo sostoyaniya v Respublike Sakha (Yakutiya) za 2012 god* [Informational-analytical review of state registration of act of civil state in the Republic of Sakha (Yakutiya) for 2012], compiler A.G. Mikhaylova. Yakutsk, 2013. 72 p. (In Russian).
 6. Nikolaev E.R. *Sovremennyye muzhskie lichnye imena* [Modern men's personal names]. *Materialy 9 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Problemy obshchey i regional'noy onomastiki"* [Materials of 9 International scientific conference "Problems of general and regional onomastics"]. Maykop, Printing and publication department of ASU, 2014. 324 p. (In Russian).
 7. Antonov N.K. *Materialy po istoricheskoy leksike yakutskogo yazyka* [Materials on historical lexis of Yakut language]. Yakutsk, Yakut Book House, 1971. 175 p. (In Russian).
 8. Bondaletov V.D. *Russkaya onomastika* [Russian onomastics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1983. (In Russian).
 9. Pekarskiy E.K. *Slovar' yakutskogo yazyka* [Yakut language dictionary]. Moscow, Academy of Sciences USSR Publ., 1959, no. 10-13, vol. 2. 2508 stlb. (In Russian).
 10. Safronov F.G. *Dokhristianskie lichnye imena narodov Severo-Vostoka Sibiri* [Pre-Christian personal names of the North-East of Siberia peoples]. Yakutsk, 1985. 200 p. (In Russian).
 11. Popov G.V. *Etimologicheskiy slovar' yakutskogo yazyka* [Etymology dictionary of Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 2003. 180 p. (Ch. 1: A–D'). (In Russian).

12. *Sravnitel'nyy slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov: materialy k etimologicheskomu slovaryu* [Comparative dictionary of Tungus-Manchzhurskiy languages. Materials to etymology dictionary], ed.-compiler V.I. Cincius, compilers V.A. Gortsevskaya, V.D. Kolesnikova, O.A. Konstantinova, K.A. Novikova, T.I. Petrova, V.I. Tsintsius, T.G. Bugaeva. Leningrad, Nauka Publ., Leningradskiy Department, 1975, vol. 1. 672 p.; 1977, vol. 2. 992 p. (In Russian).
13. *Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka: v 15 t.* [Inabridged dictionary of Yakut language: in 15 vols.], ed. P.A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2008, vol. 5: (Bukva K: күөһөһүс гүн – keechere). 616 p. (In Russian).
14. *Ойуунускай П.А.* Айымньылар. Төрдүс том: Дьулуруйар Ньургун Боотур (олонхо). Маннайгы, иккис, үһүс ырыалара. Якутскай, 1959. 312 p. (In Yakut).
15. Nikiforov V.M. *Stadii epicheskikh kolliziy v olonkho: Formy fol'klornoy i knizhnoy transformatsii* [Stages of epic collisions in olonkho: forms of folklore and book transformations]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2002. 208 p. (In Russian).
16. *Drevnyeturkskiy slovar'* [Ancient-Turkic dictionary]. Leningrad, Nauka Publ., Leningradskiy Department, 1969. 677 p. (In Russian).
17. Antonov N.K. Саха тылын туһунан бэлиэтээһиннэр. Хотугу сулус, 1969, no. 10, pp. 92-103. (In Yakut).
18. *Tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka* [Definition dictionary of Yakut language], ed. P.A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2006. 844 p. (Bukvy G, D, D', I). (In Russian).
19. Rassadin V.I. *Sovremennyy tofalarskiy yazyk i ego mesto v sisteme tyurkskikh yazykov* [Modern Tofalar language and its place in the system of Turkic languages]. Elista, Kalmyk university Publ., 2014. (In Russian).
20. Timofeev-Teploukhov I.G. Куруубай хааннаах Кулун Куллустуур. Moscow, Main editorial of Eastern literature of Nauka Publ., 1985. 607 p. (In Yakut).
21. Zhukovskaya N.L. Buryatskaya mifologiya i ee mongol'skie paralleli [Buryat mythology and its mongol parallels]. *Simvolika kul'tov i ritualov narodov zarubezhnoy Azii*. Moscow, Main editorial of Eastern literature of Nauka Publ., 1980. 208 p. (In Russian).
22. Nikolaev E.R. K voprosu ob evenkizmakh v yakutskom antroponimikone [On the issue about evenkizm in Yakut antroponymycon]. *Severovostochnyy gumanitarnyy vestnik – North-Eastern Journal of Humanities*, 2015, no. 2 (11), pp. 85-90. (In Russian).
23. Nikolaev E.R. *Sovremennye muzhskie lichnye imena* [Modern men's personal names]. *Materialy 9 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Problemy obshchey i regional'noy onomastiki"* [Materials of 9 International scientific conference "Problems of general and regional onomastics"]. Maykop, Printing and publication department of ASU, 2014. 324 p. (In Russian).

Поступила в редакцию 15.05.2016 г.
Received 15 May 2016

UDC 811.512.157

THE ETHNIC WORLD VIEW REFLECTION IN YAKUT PERSONAL NAMES (basing on the materials of turkologist N.K. Antonov)

Egor Revolevich NIKOLAEV

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS

1 Petrovsky St., Yakutsk, Sakha (Yakutia) Republic, Russian Federation, 677007

E-mail: secretar@igi.ysn.ru

Editor-in-chief of Journal for Children and Youth "Khatan" ("Hardened")

E-mail: 1953307@mail.ru

The analysis of Yakut personal names is made to reveal the peculiarities of ethnic world view basing on the works of turkologist Nikolay Klimovich Antonov. The chosen antroponyms were allocated basing on the belonging of appellative base morpheme to language groups into originally Yakutsk (Turkic) and borrowed (Tungusic, Mongolian) names. During comparative-competitive analysis the etymologic characteristics of antroponyms which prove southern origin of Yakut personal names and the presence of borrowed from other languages of northern earth opening up. It is established that general Turkic words, being the basis of antroponyms mean the natural events, seasons, local relief. The Mongolian borrowings denoting quality, character of the name of the bearer, Turkic lexical parallels are defined. Antroponyms borrowed from Tungusic languages represent northern landscape. At the result of linguistic analysis it is revealed that semantics of appellatives and Yakut antroponyms is unchangeable and is a part of system of personal names of Turkic peoples, reflecting ethnic world view, connected with southern ancestral home and the North opening up. The research showed that the considered Yakut personal names mostly refer to descriptive names and names-desiderates.

Key words: Turkic antroponyms; Yakut personal names; ethnic world view; descriptive names; names-desiderates